

Для цитування: Шевченко І.С. Дискурс як мислєкоммунікативне обрзованіє / І.С. Шевченко, Е.І. Морозова // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – № 586. – С. 33–38.

Please cite as: Shevchenko, I.S., and Morozova, Ye.I. (2003). Diskurs kak myslekomunikativnoe obrazovanie [Discourse as a mental and communicative phenomenon]. *Visnyk Kharkiv. nats. un-tu im.V.N. Karazina*. – *V.N. Karazin National Univ. Messenger*, 586, 33–38 (in Russian)

ДИСКУРС КАК МЫСЛЕКОММУНИКАТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Шевченко И.С., докт. филол. наук, Морозова Е.И., канд. филол. наук (Харьков)

Введение. Дискурс является сложным многоплановым феноменом, который находится в центре внимания современной науки, в целом, и лингвистики, в частности: он изучается философией, социальной семиотикой, социологией знания, социальной психологией, теорией искусственного интеллекта, этнографией, литературоведением, теорией коммуникации и различными направлениями лингвистики: психолингвистикой, когнитивной лингвистикой, прагмалингвистикой, этнолингвистикой, лингвокультурологией и пр., что позволяет говорить о «дискурсивном перевороте» [11] в целом комплексе наук. Однако при анализе дискурса в разных науках и в разных парадигмах внутри самой лингвистики в это понятие вкладываются различные значения, что затрудняет понимание проблемы.

В сфере социальных наук, включая лингвистику, интерес к дискурсу связан с интересом к проблемам личности (в т.ч. языковой личности), который теоретически оформился в социальном конструктивизме, рассматривающем коммуникацию как социальный процесс построения (constructing) мира. Так, в философии, в частности, в концепции Ю.Хабермаса¹, которая выступает рубежной точкой поворота неклассической философии от модернизма к постмодернизму, термин «дискурс» применяется сегодня для обозначения имеющего мислєкоммунікативнує природу обрзованія, относящегося к типу объектов, которые могут быть адекватно интерпретированы лишь в свете нелинейной парадигмы: «Пользуясь языком современной концепции нелинейных динамик, можно сказать, что дискурсивность может быть интерпретирована как имманентная способность неравновесной среды к самоорганизации, процессуальность которой реализуется в качестве нелинейной» [21: 237]. В дискурсивной психологии, стоящей на позициях интеракционализма (К. Герген, Дж. Шоттер и др. [33]) дискурс рассматривается как “социальная деятельность в условиях реального мира” [11: 80]. Если в современной науке социально-психологические основания дискурса достаточно широко изучены (обзор работ см. [11]), то его когнитивная основа остается

недостаточно исследованной, что и обуславливает актуальность и своевременность их анализа.

Целью настоящей статьи является выявить лингвокогнитивные основания дискурса, уточнив предварительно сущность понятия дискурса в антропоцентрической парадигме знаний в лингвистике, определить его содержание и структуру.

Трактовки понятия «дискурс». В лингвистической литературе термин «дискурс» используется весьма широко (см. обзор подходов [7; 11; 12; 25; 32]), однако на сегодняшний день не существует единого определения, охватывающего все контексты его употребления, что, впрочем, вряд ли возможно, поскольку употребляющие данный термин исследователи могут стоять на несовместимых позициях. Однако в большинстве случаев за вариантами понимания дискурса может быть прослежена определенная динамика, попытки уточнения и развития традиционных понятий речи, текста, высказывания.

Обратимся к определениям дискурса, которые приводит Д. Манжено (цит. по [16:26-27]): (1) эквивалент понятия «речь», т.е. любое конкретное высказывание (в духе де Соссюра); (2) единица, по размеру превосходящая фразу, высказывание в глобальном смысле, последовательность отдельных высказываний (грамматика текста); (3) воздействие высказывания на его получателя, внесение в «высказывательную» ситуацию, что подразумевает субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказывания (прагматика); (4) беседа как основной тип высказывания (анализ диалога); (5) речь, присваиваемая говорящим, в противоположность «повествованию», которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания (Э. Бенвенист); (6) эквивалент понятия «речь» как актуализация, диверсификация на поверхностном уровне, в противоположность «языку» как системе мало дифференцированных виртуальных значимостей (исследование языковых единиц «в языке» и «в речи»); (7) система ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции (например, «феминистский дискурс», «административный дискурс») (направление критического анализа дискурса); (8) высказывание/текст с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет (французская школа анализа дискурса).

Из вышеприведенных определений видно, что дискурс иногда отождествляется с речью – в противоположность языку (определения 1 и 6); при таком подходе дискурсом может являться и отдельное высказывание. Определение (2) — дискурс как линейная последовательность высказываний — является сужением первого подхода, хотя основной

принцип остается тем же. Прагматистами дискурс конструируется путем помещения высказывания в прагматическую («высказывательную») ситуацию (определение 3); при этом формой дискурса, по мнению данной группы исследователей, может являться и диалог, и монолог. Определение (4) исходит из предыдущего, сужая понятие дискурса до диалога — высказываний, порожденных разными говорящими. В определении Э. Бенвениста (5) статус дискурса еще более специфицируется, сводясь до «речи, присваиваемой говорящим» (ср. «ситуация общения» у А. А. Леонтьева); «повествование», которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания (ср. «ситуация-тема») выводится за рамки дискурса. В определение (7) вводится понятие социального контекста, под которым понимается система социальных ограничений / идеологических позиций. В определении (8) во внимание принимаются механизмы восприятия и порождения дискурса.

В данных определениях прослеживается динамика развития понятия дискурс, «стремление ввести в классическое противопоставление языка и речи, предложенное Ф. де Соссюром, третий компонент — нечто парадоксальным образом и «более речевое» нежели сама речь, и одновременно — в большей степени поддающееся изучению с помощью традиционных лингвистических методов, более формальное и тем самым «более языковое» [1]. Фактически же они отражают различные аспекты комплексного понятия дискурса: с одной стороны, дискурс есть деятельность, процесс, а с другой — текст, продукт. Этим аспектам соответствуют противопоставления «дискурс::текст», «динамика::статика», «функция::структура», «актуальное::виртуальное» (ср. text-as-product, discourse-as-process [25:24] и пр.). Данные противопоставления носят характер не взаимоисключающий, а взаимодополняющий, ибо помогают «теоретически связать форму с функцией» [11:89]. Такое диалектическое понимание дискурса удовлетворяет требованиям всех направлений, исследующих дискурс: социологического, психологического, лингвистического, философского, и позволяет говорить об интегральной теории дискурса, основанной на общих методологических принципах и использующей для анализа сведения смежных наук.

Решение ключевых теоретических проблем, связанных с уяснением природы и закономерностей организации дискурса, невозможно без анализа их **методологической базы**. Понимание дискурса как интегративного феномена основано на деятельностном подходе к коммуникации (ср.: дискурс — это «вербализованная речемыслительная деятельность, представляющая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [8:200]). В современной науке он обогащается теориями синергетизма и нелинейности. Идея

линейности, которая являлась доминирующей в гуманитарной науке на протяжении практически всей ее истории, сегодня уступает место идее нелинейности [13:499], поскольку осваиваемые современной наукой новые типы системной организации объектов не могут более быть адекватно интерпретированы в структурной парадигме. «В современном естествознании очевидным лидером в исследовании нелинейных процессов выступает синергетика, непосредственно осмысливающая себя в качестве концепции нелинейных динамик». Синергетика видит целью “защиту нелинейного мышления по всему спектру научных изысканий, от квантовой механики до изучения истории человечества”» [ibid.]. В гуманитарной сфере концептуальные модели нелинейных динамик связаны с философией постмодернизма: «постулируемый постмодернизмом «новый опыт», собственно, и может быть интерпретирован как опыт нелинейного видения мира» [op.cit.: 500].

Содержание и структура дискурса. Определение содержания дискурса требует отграничения этого понятия от смежных понятий «текста» и «речи».

Г. Г. Почепцов (мл.), Р.Ходж и Г.Кресс [29] и др. считают, что реально текст и дискурс можно рассматривать по аналогии с предложением и высказыванием: «Предложение – обычный для нас элемент структуры. Высказывание объединяет в себе как само предложение, так и социальный контекст его использования. На высшем уровне те же отношения повторяются в тексте и дискурсе» [14:75].

Проведение параллели между отношениями «текст::дискурс» и «предложение::высказывание» является, на наш взгляд, эвристически удобной, хотя и упрощенной аналогией. При этом не следует забывать, что, в отличие от предложения, для текста не существует никаких внеположенных ему схем, которые могли бы заполняться лексически. Далее, определение высказывания как «предложения в социальном контексте» нивелирует различие между высказыванием и дискурсом, чрезмерно расширяет его границы. На этом основании придерживаемся традиционной трактовки — «высказывание = предложение + актуальное членение + интонация» [4:90], считая, вслед за Т.А.ван Дейком, контекст определяющей характеристикой дискурса: «...дискурс не является лишь изолированной текстовой или диалогической структурой. (...) это сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщения» [5:113].

Что касается упомянутого диалогического характера дискурса, то в интегративном представлении о дискурсе диалог/монолог рассматриваем как *формы* существования, в

равной степени возможные для дискурса. Преобладание диалогической или монологической формы дискурса зависит, как правило, от жанрового и тематического деления дискурса: например, монологичность свойственна деловой корреспонденции, а диалогичность — дебатам.

Не следует смешивать диалог как форму, предполагающую обмен репликами, и диалогичность как природное свойство дискурса. Дискурс, как и речевая деятельность, диалогичен по своей *природе* (в смысле «диалогичности» по М.М. Бахтину: адресованность дискурса, общность проблем, диалогический характер мышления/понимания и т.д. [3:303-306]); он не репрезентирует реальность, а активно конструирует ее. Иными словами, дискурс понимается в терминах диалогических отношений, которые устанавливаются между говорящим и воспринимающим.

Понятие дискурса отличается от понятия «речь». Существует несколько трактовок последнего: текст и речь определяются В.В. Богдановым, Д. Таннен и др. как составляющие дискурса [34], то есть как видовые понятия относительно объединяющего их родового «дискурса». В соответствии с принятым в данной статье интегративным подходом к дискурсу речь трактуем как синоним речевой деятельности. (ср.: по Н.Д. Арутюновой, дискурс, — это «речь, погруженная в жизнь» [2:137]).

Эвристически ценно разделять анализ дискурса на макроанализ, направленный на моделирование дискурса как «языка в языке» [18:44], т.е. на типологию дискурса, и микроанализ, направленный на моделирование коммуникативного события, т.е. на анализ конкретного текста или его фрагмента. Такое деление созвучно двум основным подходам к определению дискурса отечественными и зарубежными лингвистами: (1) «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве»; (2) «совокупность тематически соотнесенных текстов» [23:14-16].

Давая определение коммуникативному событию, Т. А. ван Дейк пишет: «Дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта... Говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию» [5:121-122]. Иными словами, основным признаком, отличающим дискурс от текста, является дискурсивный контекст.

Определим его отличие от собственно лингвистического контекста, характеризующего текст, – “*контекста*” в терминологии Г. Парре [31], – который определяется в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» как «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста. Контекст есть фрагмент текста минус определяемая единица» [20:238]. Дискурсивный (коммуникативный) контекст – это «ситуация коммуникации, включающая условия общения, предметный ряд, время и место коммуникации, самих коммуникантов, их отношения друг к другу и т.п.» [там же].

Следует отметить, что дискурсивный контекст представляет собой единство социальных, психологических, прагматических характеристик и выступает как абстракция по отношению к реальным ситуациям. Так, в социологическом дискурс-анализе дискурс принято определять как язык, взятый в единстве со своим социальным контекстом, социально структурированный и социально структурирующий феномен, тем самым акцентируется социальная природа дискурса, с одной стороны, порожденного социальным контекстом, с другой — служащего средством изменения в социальном контексте в результате функционирования дискурса. Говоря о прагматическом контексте, Т.А. ван Дейк отмечает, что «подавляющее большинство характеристик любой ситуации не является релевантным для идентификации иллокутивной силы высказывания. Вряд ли может случиться так, что моя интерпретация высказывания собеседника будет зависеть от того, рыжие у него волосы или нет (подобная зависимость имеет место лишь в том случае, когда эта ситуационная деталь окажется тематизированной)» [5:19-20] и далее: «все те характеристики, которые не определяют поведения участников, являются социально (в нашей терминологии – дискурсивно) нерелевантными: так, не является социально (в нашей терминологии – дискурсивно) значимым действительное содержание моих мыслей, если оно никак не отражается в моем поведении» [5:22]. Ситуация общения, опыт и знания коммуникантов, намерения в их отношении к коммуникантам, дискурсу, статусно-ролевым характеристикам, предмету общения, психическим и физическим состояниям, определенные культурные и социальные факторы, оказывающие влияние на реализацию смысла высказывания, являются необходимой предпосылкой формирования контекста [26:9; 30:22-23]. Таким образом, наряду с внутриязыковыми условиями, исходящими от языковых элементов и их отношений, дискурсивный контекст включает и комплекс внешних по отношению к языку условий коммуникации, спроецированных в область дискурса.

Е.В.Тарасоваⁱⁱ, обобщая труды американских исследователей, предлагает свою типологию дискурсивного (в ее терминологии – речевого) контекста в виде иерархии

"микроконтекст → макроконтекст → метаконтекст", где под микроконтекстом понимается «межличностный, узкопрагматический коммуникативный контекст, отождествляемый по существу с речевым актом», под макроконтекстом – «более широкий социокультурный контекст, характеризующий говорящего не как конкретную личность, но как представителя своего социума и своей (суб)культуры»; а под метаконтекстом – «самый глубинный уровень коммуникации, ... отражающий сложившееся в данном социуме (лингвокультуре) видение мира» [19:171-172].

Лингвокогнитивные основания дискурса в этой трактовке принадлежат к области метаконтекста – той концептуальной системы, в рамках которой говорящий мыслит и которая управляет его речевой деятельностью [19:172]. Из такого описания неясно, на основании каких критериев «индивидуальная психология, чувство юмора (или его отсутствие), деликатность или бестактность, образованность или невежество» относятся автором к микроконтексту («интерактивному?»), а «классовая, профессиональная и этническая принадлежность, пол, возраст, социальный статус, уровень образованностиⁱⁱⁱ» - к макроконтексту («социальному?»), поскольку каждое из понятий, перечисленных в обеих группах, конструируется в процессе вербальной интеракции в социальной среде.

Для настоящего исследования важно, что понимание дискурса как интегративного феномена соответствует положению о том, что все типы контекста изоморфны и взаимопроницаемы, находятся в диалектическом единстве, образуя своеобразный “психосоциолингвистический континуум”» [19:172], однако их взаимоотношение представляется не иерархическим, а взаимоположенным: с точки зрения биологии, деятельность разумного индивида контролируется его когнитивными процессами. Между тем коммуникация не сводима к биологической основе деятельности, ее составляющие образуют комплекс когнитивных, биологических, психологических, социальных аспектов, выступая одновременно как процесс и результат.

Лингвокогнитивные основания дискурса. Для определения лингвокогнитивной базы дискурса как определенной совокупности знаний и представлений обратимся к типологии знаний, разработанной в рамках деятельности научного семинара МГУ «Текст и коммуникация» (Д. В. Багаев, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных), в соответствии с которой выделяются:

- «индивидуальное когнитивное пространство (ИКП) – определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает любая (языковая) личность, каждый человек говорящий;

- коллективное когнитивное пространство (ККП) – определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум;
- когнитивная база (КБ) – определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингво-культурного сообщества, которым обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета»^{iv} [8:164].

«Таким образом, каждый человек обладает своим ИКП, набором ККП (семейное, профессиональное, конфессиональное ККП и т.д.) и КБ того национально-лингво-культурного сообщества, членом которого он является. ИКП человека включает в себя и КБ, и ККП всех социумов, в которые он входит» [8:167]. Следовательно, к микроконтексту могут быть отнесены смыслы [ИКП – (ККП+КБ)], к макроконтексту – ККП, а к метаконтексту – КБ. Тем самым выделенные Е.В.Тарасовой типы контекста могут быть четко определены путем дифференциации типов когнитивных структур, лежащих в их основе. Достоинством такого подхода нам представляется и то, что таким образом снимается и крайняя неопределенность “метаконтекста” (см. определение выше).

Попытаемся теперь рассмотреть, на основе каких критериев разграничиваются Е.В.Тарасовой (1) «использование возможностей языка в данной ситуации для реализации (...) интенции» и (2) то, «как используемые им языковые средства «выдают» его классовую, профессиональную и этническую принадлежность, пол, возраст, социальный статус, уровень образованности и избранную им сферу общения» [19:172]. Очевидно, что (1) и (2) различаются по признаку интенциональности, которая присутствует в (1) и отсутствует в (2), но это означает, что в предлагаемой автором классификации задействованы разные критериальные признаки. Нам представляется, что при определении типов какого-либо явления в первую очередь целесообразно фокусировать внимание на онтологии («Что это?»), а не на каузальности («Что оно делает?»), хотя данный признак может быть положен в основу дальнейшей детализации классификации: “Поведение” имеет значение только как выражение или проявление основополагающей ментальной реальности, ибо мы способны видеть каузальную основу ментального и, таким образом, рассматривать поведение как проявление ментального»[17:41].

Таким образом, с точки зрения микроанализа дискурс представляет собой конкретное речевое произведение (текст) в коммуникативном контексте; в основе выделения типов последнего лежат определенные ментальные структуры - ИКП, ККП и КБ.

Из признания диалогичной природы дискурса следует, что, помимо контекста, в дискурс входит еще и пресуппозиция, понимаемая нами, вслед за В. В. Красных, как «общий фонд знаний, общий опыт, общий тезаурус, общие предварительные сведения (термины могут быть различны), которыми обладают коммуниканты» [8:180].^v Пресуппозиция актуализируется в коммуникативном пространстве «здесь и сейчас». В соответствии с тремя видами когнитивных пространств – ИКП, ККП и КБ – выделяются три вида пресуппозиций как зон пересечения когнитивных пространств коммуникантов: ситуативная / спонтанная / микропресуппозиция (ИКП), социумная / константная / пресуппозиция (ККП) и макропресуппозиция (КБ) [там же]. Микропресуппозиция имеет место в любой ситуации общения, включая в себя: (1) знание конситуации, представление о ней; (2) знание контекста, т.е. понимание всех смыслов, релевантных для акта коммуникации; (3) понимание речи [op.cit.:181-182].

Определив в самом общем виде когнитивные компоненты дискурса, рассмотрим, что происходит при порождении дискурса. Для этого обратимся к определению В. З. Демьянкова [6:7], в основе которого лежит широкое логико-философское определение дискурса Ю.С.Степановым как «возможного (альтернативного) мира» [18:44]: «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса». Данное определение может быть проинтерпретировано следующим образом.

В основе дискурса лежат ментальные структуры – фиксированные формы ментального опыта (концепты, когнитивные схемы). В условиях познавательного контакта с действительностью они «обеспечивают возможность поступления информации о происходящих событиях и ее преобразование, а также управление процессами переработки информации и избирательность интеллектуального отражения» [22:95]. Их основным свойством является «свернутость» [28:13]: «при столкновении с любым внешним

воздействием они могут «развертывать» особым образом организованное ментальное пространство» [22:96].

Ментальное пространство, по Ж. Фоконье [27], – это динамическая форма ментального опыта, которая актуализируется в условиях познавательного взаимодействия субъекта с миром. Результатом функционирования ментального пространства, порождаемого структурами ментального опыта человека, является контекст, который в этом смысле является естественной средой работы мысли [22:97].

«Актуальный умственный образ» (субъективная форма видения, специализированная и детализированная умственная картина) того или иного коммуникативного события есть ментальная репрезентация [22:98]. В отечественной науке проблема ментальной репрезентации обычно обсуждается в контексте проблемы «образ мира» [10], а языковой репрезентации – в контексте проблемы «языковой картины мира» [15].

Из вышесказанного не следует, что в дискурсе мир видится лишь как репрезентация, т.е. отражение ментальной реальности, образовавшейся за его пределами. Объекты знания конструируются в дискурсе, а не пассивно отражаются в нем. Принципы такого конструирования являются видом “habitus’a” в духе П. Бурдьё, действующим как система когнитивных и мотивационных структур [24], являющегося понятием, которое объясняет не только речевые (дискурсивные) практики, но и человеческую деятельность в целом: «Среда, ассоциируемая с определенным классом условий существования, производит habitus, т. е. системы прочных приобретенных предрасположенностей (dispositions), структурированных структур, предназначенных для функционирования в качестве структурирующих структур, т. е. в качестве принципов, которые порождают и организуют практики и представления».

Суммируя вышесказанное, определяем дискурс как интегральный феномен, как как мыслекоммуникативную деятельность, предстающую как совокупность процесса и результата и включающую как экстралингвистический, так и собственно лингвистический аспект; в последнем помимо текста выделяем пресуппозицию и контекст (прагматический, социальный, когнитивный), обуславливающие выбор языковых средств.

В плане дальнейшего исследования представляется перспективным анализ механизмов конструирования ментального пространства дискурса путем обращения к закономерностям вербализации определенных концептов и когнитивных схем.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Под «дискурсом» Ю. Хабермас понимает вид речевой коммуникации, предполагающей рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни.

ⁱⁱ Е.В.Тарасова, говоря о системности речи, по сути дела говорит о системности дискурса.

ⁱⁱⁱ Возникает вопрос по поводу отнесения исследователем образованности к микроконтексту, а уровня образованности – к макроконтексту; по-видимому, здесь имеет место стилевая погрешность.

^{iv} «Социум объединяется по одному какому-либо признаку (профессия, конфессия, возраст, образований, хобби и т.д.), национально-лингво-культурное сообщество объединено комплексом признаков (язык, история, культура, религия и т.д., в каждом конкретном случае набор данных признаков индивидуален)» [8.:164-165].

^v Определение пресуппозиции как фонда знаний говорящего и слушающего представлено в работах Н. Д. Арутюновой, А. Нойберта и Т. А. ван Дейка, хотя следует отметить, что существуют и иные трактовки данного понятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристов С. А., Сусов И. П. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс. — 1999. — <http://homepages.tversu.ru/~susov/Aristov.htm>
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов.энцикл., 1990. — С.136-137.
3. Бахтин М. Проблемы текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках //Бахтин М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979.
4. Гак В. Г. Высказывание // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.:Сов.энцикл., 1990. — С.90.
5. Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ./ Сост. В.В. Петров. Под ред. В.И.Герасимова. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.
6. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып.2. Методы анализа текста// Всесоюзн. Центр переводов. Тетради новых терминов, 39. —М., 1982.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
8. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. — М.: Гнозис, 2001. — 270 с.
9. Литовченко А.Д. Декларативность как черта официального политического дискурса Украины //Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. — Харків: ХНУ, 2001. — С.217 - 223.
10. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Моск. ун-та. Серия 14. Психология. —1979. —№2. — С.3-13.
11. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 280 с.
12. Менджерицкая Е.О. Термин «дискурс» в современной зарубежной лингвистике // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. —М., 1977.— С.130-133.
13. Можейко М.А. Нелинейных динамик теория // Постмодернизм. Энциклопедия. — Мн.: Интерпрессервис, 2001. — С. 499-501.
14. Почепцов Г.Г. (мол.) Теорія комунікації. — К.: Спілка рекламистів України, 1996.
15. Роль

человеческого фактора в языке: Язык и картина мира /Б.А.Серебренников и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с. 16. Серио П. Как читают тексты во Франции//Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. — М.: Прогресс, 1999. — С.14-53. 17. Серль Дж. Открывая сознание заново. — М.:Идея-Пресс, 2002. —256 с. 18. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века. - М.: Рос. гуманит.ун-т, 1995. — С.35-73. 19. Тарасова Е.В. Речевая системность и контекст // Мовна компетенція, креативність та актуальні проблеми викладання іноземних мов. — Харків: Константа, 1998. — С. 168 – 175. 20. Торсуева И. Г. Контекст // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.:Сов.энцикл., 1990. — С.238-239. 21. Усманова А. Р. Дискурсия // Постмодернизм. Энциклопедия. — Мн.: Интерпрессервис, 2001. — С.240. 22. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. — СПб.: Питер 2002. — 272 с. 23. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований//Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. — СПб.: Изд-во СПбетерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. - С.11-22. 24. Bourdieu P. Structures, Habitus, Practices: The Logic of Practice. - Polity Press, 1990. 25. Brown G., Yule G. Discourse Analysis. —Cambridge: CUP, 1996 (1st ed. – 1983). – 288 p. 26. Dijk T.A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse.— The Hague etc: Mouton, 1981. - 331 p. 27. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. — Cambridge (Mass): MIT Press, 1985. – 185 p. 28. Harvey O.J., Hunt D.E., Schroder H.M. Conceptual system and personality organization. - N.Y.:Wiley Sons, 1961. 29. Hodge R., Kress G. Social semiotics. – Cambridge: MIT Press, 1988. 30. Levinson C.S. Pragmatics. - Cambridge, etc.: CUP, 1983. – 420 p. 31. Parret H. Context of Understanding. - Amsterdam, 1980. 32. Schiffrin D. Approaches to Discourse. - Oxford, Cambridge (Mass.), 1994. 33. Shotter J., Gergen K. Social construction: Knowledge, self, others and continuing the conversation // Communication Yearbook. — V.17. — Thousand Oaks, 1994. — P. 3-33. 34. Tannen D. (ed.) Analyzing Discourse: Text and Talk. – New York: OUP, 1982. – 240 p.